

83

Л 1-49

Альфонс ПОЛЕЦ,

КРЕСТЬЯНИ

Р О М А Н

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

ВИЛЬГЕЛЬМ ПОЛЕНЦ ПРОВЕРЕНО

П 49

46

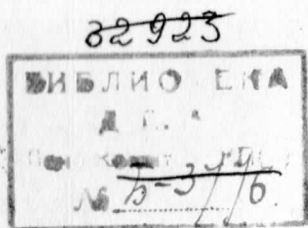
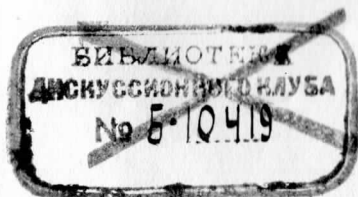
637a

КРЕСТЬЯНИН

РОМАН

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
В. ВЕЛИЧКИНОЙ
С ПРЕДИСЛОВИЕМ
И. Ф. ПОПОВА
И СО СТАТЬЯМИ
Г. В. ПЛЕХАНОВА
И Л. Н. ТОЛСТОГО

36873

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие И. Ф. Попова 7

Книга первая 13

Книга вторая 187

Книга третья 309

Приложение:

Г. В. Плеханов.—«Крестьянин», роман фон-Поленца 461

Л. Н. Толстой.—Предисловие к первому изданию романа
фон-Поленца «Крестьянин» 469

«КРЕСТЬЯНИН». РОМАН ФОН-ПОЛЕНЦА

Роман фон-Поленца «Крестьянин» хорошо изображает те самые стороны общественной жизни, о которых так много говорится в социально-политической литературе. Это чрезвычайно интересная экскурсия в область аграрного вопроса. Нам хочется обратить на нее внимание наших читателей.

Зажиточный крестьянин Траугот Бютнер, всю жизнь работавший, не покладая рук, со всем своим семейством и всю жизнь оставшийся верным религии «сбережения», мало-по-малу попадает в руки ростовщиков, совершенно лишается своего имущества и, наконец, обнищавший и всеми заброшенный, вешается на дереве. Такова фабула романа. Эта фабула послужила фон-Поленцу поводом для тонкого анализа психологии современных немецких крестьян средней руки. Перед нами, как живые, выступают эти закаленные, неутомимые труженики, которые чувствуют, что из-под их ног ускользает почва, делают судорожные, почти инстинктивные движения, для того чтобы сохранить равновесие, но в конце концов сознают свое бессилие в борьбе с неведомой им безличной силой. «У Траугота Бютнера, — говорит фон-Поленц, — было только

тупое чувство, смутное сознание, что над ним совершается большая несправедливость. Но кто бы мог сказать: как и кем? Кого должен был он обвинять? Это-то и было жутко, что объяснения нельзя было найти. Беда пришла в потемках, и он не знал даже — откуда. Люди получили право на него самого и на его собственность, — чужие и незнакомые люди, имени которых он не знал и два года тому назад. Он не сделал никакого зла этим людям и только принял от них помощь, которую они ему навязали сами. А из этого какими-то непонятными ему оборотами и махинациями выросли права, которые беспомощно отдавали его в руки этих людей. И сколько бы он ни ломал себе голову, ему невозможно было понять во всем объеме того, что произошло».

В романе фон-Поленца непосредственной причиной разорения Траугота Бютнера являются еврей Гаррасовиц и Шенбергер. Это обстоятельство может навести на мысль о том, что социальная философия романиста не лишена некоторой примеси антисемитизма. Но мы не думаем, чтобы он предпочитал христианских капиталистов еврейским. Христианский трактирщик Эрнст Кашель вышел у него еще менее привлекательным типом, чем ростовщики-евреи. К тому же в его романах ярко изображается именно безличная сила капитала, действие которой было бы нелепо относить на счет какой-нибудь отдельной расы. Вот почему мы, не останавливаясь долее на этом вопросе, попросим читателя заметить, как хорошо обнаружена у фон-Поленца причинная зависимость между экономическим бытом крестьян, с одной стороны, и их психологией — с другой. В той местности, где живет со своей семьей Траугот Бютнер, — очевидно, это один из уголков так называемой *Остэльбии*, — крестьянин является

мелким самостоятельным производителем, который, хотя и поглядывает на батраков с высокомерным презрением, но все-таки еще не считает себя представителем высшего класса. Высший класс представлен там крупным титулованным землевладельцем, которого крестьяне называют *барин*ом, и в котором они, по преданию, сохранившемся еще от времен крепостного права, видят самого опасного своего неприятеля. Иное находим мы в той части Саксонии, куда младший сын Траугота Бютнера, отставной унтер-офицер Густав, отправляется на летние полевые работы. Здесь «немногочисленные крестьяне были настоящими господами. Они разъезжали верхом и в экипажах, как настоящие помещики, жили в больших, прекрасных домах и посылали своих детей в городские школы. Когда они сходились, то говорили друг другу «вы», и ни один из этих больших господ не позволил бы себе есть за одним столом со своими работниками». Классовые предрассудки проникают в голову крестьянина всего сильнее там, где его собственное *сословие*, вследствие развития противоречий, корнящихся в его экономическом положении, подразделяется на два класса: класс людей, живущих *эксплуатацией* чужой рабочей силы, и класс людей, продающих свою собственную силу.

Очень хорошо изображен фон-Поленцом консерватизм, свойственный современному немецкому крестьянину. Отец Траугота Бютнера, Леберехт Бютнер, «ни за что не хватался с поспешностью, даже и за хорошее. Его крестьянская сметливость подсказывала ему, что прежде надо еще посмотреть и выждать, дать другим вытащить каштаны из огня, не заводить у себя ничего, что другие раньше не испробовали, и идти несколько сзади тех, кто шел впереди. Только с осторожностью и обдуманностью приступал он

к новшествам. Он довольствовался синицей в руке и предоставлял другим гоняться за журавлями в небе». Но Леберехт Бютнер все-таки был человеком выдающимся по уму, энергии и предприимчивости. А его сын, главный герой романа, уже знакомый нам Траугот Бютнер, человек средний, и потому более типичный представитель своего сословия, выступает перед нами как чистый консерватор. «Старый Бютнер не был мечтателем, — говорит автор. — Его интерес всегда был направлен к самой строгой и трезвой действительности, а тяжелая работа не оставляла ему досуга для каких-либо фантазий или пустых мечтаний. Но одно только было глубоко заложено в его душе: своими мыслями он много жил в прошлом. Прошлое для него было постоянным спутником настоящей его жизни и говорило с ним понятным ему языком... Прошедшее составляло для него не только любимый уголок его души, но даже решающим образом действовало на все его дела. Своей волей, намерениями и поступками он был связан со своими предками... При этом он почти никогда не говорил о прошлом. Всякие рассуждения, поскольку они не служили определенной практической цели, он считал праздным занятием.

Если бы человек, настроенный таким образом, взялся за общественную деятельность, то он, естественно, захотел бы «повернуть назад колесо истории». Но он слишком погружен в свои личные интересы, чтобы взяться за такую деятельность. В его глазах она также есть *п р а з д н о е м е ч т а н и е*.

Немецкий крестьянин Траугот Бютнер очень многими чертами своего характера поразительно напоминает русского крестьянина Ивана Ермолаевича, фигурирующего в одном из очерков покойного Г. И. Успенского и изображенного, — мимоходом сказать, — с еще большим талантом

В таком сходстве нет ничего удивительного: сходные социальные причины, естественно, порождают сходные психические последствия. Но сходство это могло бы, в случае нужды, послужить одним из ручательств за то, что оба эти характера верны действительности.

Если бы общественные условия, создающие типы, подобные Трауготу Бютнеру, оставались неизменными в течение многих тысяч лет, то и психология этих типов не изменилась бы ни на волос. Но Германия не Китай, и потому консерватизм Бютнера не избавил его от «новых веяний». Эти новые веяния вторглись в его жизнь в виде новых приемов борьбы за существование и, разорив его хозяйство, сделали из его старшего сына Карла жалкого деревенского пропойцу, а его самого толкнули — как мы уже знаем — на самоубийство. Его младший сын, уже упомянутый выше Густав, идет сперва на летние работы в Саксонию, а потом попадает в крупный городской центр, где его, варвара, жившего до тех пор вне великих духовных интересов цивилизованной жизни, постепенно захватывает поток великого общественного движения. Его бывший сослуживец и неизменный приятель, — веселый, беззаботный кутила Гешке, сильно затронутый новыми идеями, — ведет его на собрание «*б е з р а б о т н ы х*», где перед глазами открывается новый, невиданный им мир. «Густав был совершенно озадачен. Ведь они имели вид тех самых нищих и бродяг, которых он не раз отгонял от дверей отцовского дома. А теперь со стыдом он должен был сознаться, насколько эти скромные люди превосходили его. Как умело находили они слова, чтобы выразить свои мысли! Они описывали свое бедственное положение, сообщали то, что длинным опытом они добыли и узнали на фабриках, в шахтах или на большой дороге. Они говорили о бессердечии бога.

чей, говорили о жестокости работодателей! Потом они описывали страдания своих семей. И на мрачном фоне настоящего тем ярче блестела картина будущего: их требования, их смелые надежды и сжидания того, что должно наступить равенство — награда за их страдания, счастье, — тот земной рай, который предсказывали им их учителя, и сияние которого уже светилось в их глазах. Слова этих людей тронули сердце Густава. Он почувствовал, что та нужда, которую они описывали, была как бы его собственной. Он был весь на их стороне. Он понял то, что одушевляло их. Это было общее дело. Одна общая всем надежда, один дух, одна мысль находили отражение во взоре их глаз, владели выражением их лиц, их языком. Одна идея наполняла их, укрепляла их дух, воспламеняла их одушевление, их надежду, поднимала их выше самих себя и заставляла казаться каждого в отдельности выше, чем он был на самом деле... Настоящее было для них, как мрачное подземелье, отделенное глубиной от всякой красоты, озаряющей поверхность. Взоры их неподвижно были обращены к тому небольшому далекому отверстию вверх, откуда к ним проникали лучи солнечного света и тепла; туда, вверх, стремились они».

Служа в армии, Густав не раз слышал, конечно, нападки на новые идеи, и слово «к р а с н ы й» сделалось у него бранной кличкой. Теперь он увидел свое заблуждение!

«Одно стало ему ясно в этот вечер: это были неплохие люди. Не злоба и подлость руководили ими, — их влекло то же стремление, которое одушевляло и его и всякого другого смертного — это желание лучшей участи»

Раз увидев свет, Густав уже не мог от него отвернуться. Его потянуло на другие собрания. «Он слышал речь знаменитого депутата рабочей партии в рейхстаге. Он узнал

о существовании могучего, широко распространенного союза, власть которого глубоко проникала все эти жизненные отношения. И чем больше он видел, тем больше притягивало его к себе то, что он узнавал. Он как будто стал на краю самого водоворота. Он чувствовал, что водоворот захватит его, противился ему, но все более и более втягивался в роковой круг».

Фон-Поленц ничего не говорит в своем романе о своих собственных социально-политических взглядах. Но по некоторым признакам мы решаемся с уверенностью сказать, что он далеко не сочувствует новейшим общественным идеям. Попадают в его описания даже черточки, заставляющие думать, что, хотя он и описывает рабочие собрания как школу высокого нравственного идеализма, но в глубине души он не совсем еще отделался от взгляда на пролетария, как на существо, лишенное всяких нравственных устоев. Тем дороже для нас та дань справедливости, которую он заплатил названным выше идеям. Сторонник этих идей несет в трудящуюся массу свет сознания и огонь великой, благородной страсти. Какая общественная роль может быть выше этого?

Очень интересно отметить и это психологическое наблюдение: чтобы принять участие в великом освободительном движении нашего времени, крестьянин должен покинуть свою крестьянскую точку зрения и встать на точку зрения рабочего класса.

Граф Л. Н. Толстой написал к роману фон-Поленца предисловие, в котором он, очень расхвалив это действительно достойное похвалы художественное произведение, говорит о том, какова должна быть настоящая литературная критика. Он — большой враг тех критических статей, которые пишутся собственно не о художественных произве-

дениях, а только по поводу их. Но его предисловие само представляет собою критическую статью, в которой очень мало говорится о романе фон-Поленца и очень много именно по поводу его.

У нас нет под рукой немецкого подлинника «Крестьянина». Поэтому мы не знаем, везде ли точно перевела его В. М. Величкина. Мы видим только, что она превосходно владеет нашим могучим, гибким и богатым языком. А это «по нынешним временам» уже большая заслуга со стороны переводчика.
